

– Известный музыкант-фольклорист Сергей Старостин. До этого я была к ней абсолютно равнодушна и мало что знала, кроме песни «Ой, мороз, мороз». А Сергей много лет провел в экспедициях, собирал по деревням настоящий русский фольклорный материал. Он объездил Смоленскую, Рязанскую, Белгородскую, Тверскую, Псковскую области, северо-запад, запад и юго-запад нашей страны.

– **Что вас особенно поразило при первом знакомстве с народными песнями?**

– Так же невозможно объяснить, за что именно ты что-то любишь. Просто любишь – и все. Я люблю не только русскую, а всякую народную музыку. Просто когда ты с этим сталкиваешься достаточно близко (мы же ездили по многим фестивалям world music) и когда видишь, что абсолютно молодые, совершенно вменяемые, веселые, модные, современные люди занимаются тем, что, казалось, давно умерло, начинаешь на это как-то иначе смотреть, понимаешь, что по большому счету времени для некоторых вещей не существует. Есть же что-то вечное в этом мире. Народная музыка – это наши истоки, это то, с чего надо начинать музыкальное образование.

– **Многие фольклорные песни имеют обрядовое значение. Знаете ли вы какие-либо народные обряды?**

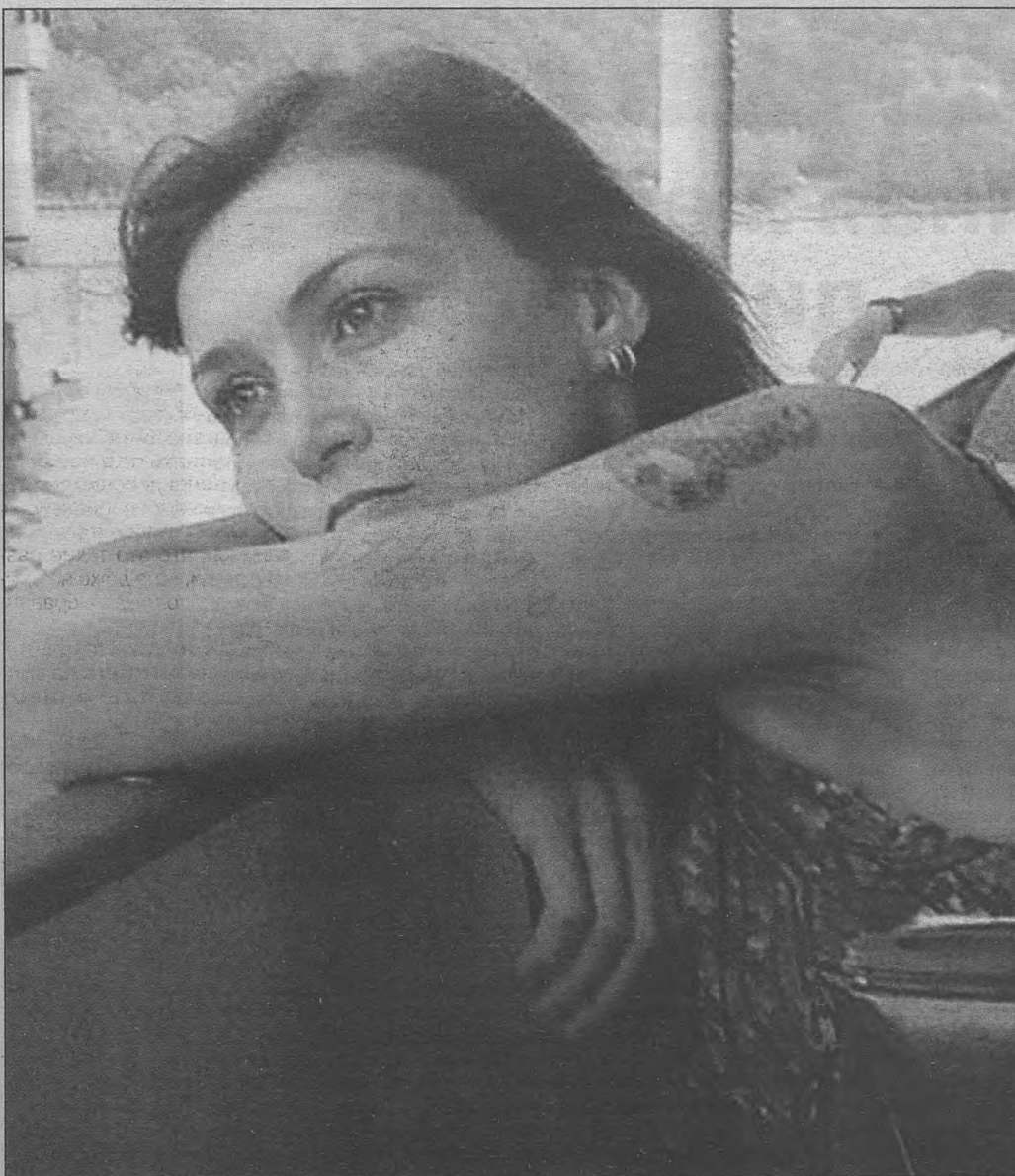
– В принципе да. Можно пойти на принцип, стукнуть кулаком по столу и сказать: «Ну если нет, значит, все». Я люблю на репетициях впасть в истерику, покрушить что-нибудь, поругаться, поскандальить. Мы, конечно, очень устали друг от друга за эти годы. Но мы пока держимся друг друга.

– **Значит ли это, что концерт 19 декабря будет итоговым?**

– Хотелось бы поставить некую точку, потому что я не могу сказать однозначно, что будет дальше. Если раньше я была не то что уверена, но спокойна за происходящее, то сейчас я абсолютно ни в чем не уверена. Все зависит от нас. Может, мы на время возьмем тайм-аут. Хотя на мой взгляд, чисто с практической точки зрения это делать сейчас нельзя. Но все мы живые люди, все мы устаем, всем нам нужен либо отдых, либо, наоборот, встряска, какие-то кардинальные перемены. Вообще у меня была мысль сделать на этом концерте ретроспективу – от самых старых вещей, которые мало кто помнит из публики, и до новинок, которые никто еще не слышал. Будут Аркадий Шилклопер, Алексей Айги, Иван Смирнов, Андрей Мисин, Лев Слепнер.

– **Можете себе представить, что вы уйдете из музыки и будете заниматься чем-либо еще?**

– Наверное, вряд ли я чем-то другим еще смогу заниматься. Проблема не в том, что я чего-то не умею,

Я не больна на славу. Далеко не каждый артист этого желает

«ЧТО ТАКОЕ НЕФОРМАТ»

– Пожалуй, мы исполняем некоторые свадебные, похоронные песни. Но в теории я не погружаюсь, мне ближе практика. Я дирижер.

– **Скажите, можно ли вас назвать главой вашего коллектива или у вас в группе нет лидеров?**

– Когда речь идет об ответственности, тогда выходит, что я – глава. А так, в общем, нет. Ребята из группы – все очень талантливые и авторитетные для меня люди. И я не могу ими командовать. И в этом такое тяжелое противоречие. Отношения внутри коллектива, особенно с мужчинами, – это так просто.

– **Есть ли у вас право вето в коллективе?**

научиться можно всему. Проблема в том, что я ничего больше не хочу. Я не исключаю возможности, что если мы все совсем устанем, то сможем делать какие-то сольные проекты, ведь у каждого в арсенале достаточно таланта и материала, чтобы этим заняться. Не пропадем, если что. Но пока об этом рано говорить. Пока мы вместе.

– **Скажите, а есть ли у вас жажда славы, денег?**

– Денег да, славы нет. Я не больна на славу. Далеко не каждый артист этого желает. В первую очередь он стремится к самовыражению, стремится не сойти с ума, неся это все в себе. А слава... Боже упаси. Если человек стремится исклю-

чительно к славе, то это не музыкант, а ремесленник.

– **Как вы относитесь к «Фабрике звезд»? Отдали бы туда своего сына?**

– Это ужас! Я даже воздержусь от комментариев. Мой ребенок туда сам не пойдет, он не так воспитан.

– **Так можно ли стать звездой за короткое время?**

– Ну зачем? Что это за болезнь всеобщая – стать звездой? Как обезумели все... Если человек испытывает недостаток внимания, любви, пусть он пойдет к психологу, разберется в себе, это ненормально, его, наверное, в детстве обидели родители. Я не понимаю, при чем тут вообще музыка?

– **А к светской жизни Москвы вы имеете какое-нибудь отношение?**

– Никакого. Хотя все говорят, надо тусоваться. Но это та самая тусовка ради тусовки. Мне жалко тратить на это времени.

– **Почему же вас не слышно даже по радио?**

– От общения с радио я выучила одну фразу: «Ваша музыка – неформат». Что это значит, я не знаю. Ну как мы можем быть неформатом для «Русского радио», для «Нашего радио», для еще какого-то радио, которое считает себя российским?! Я думаю, здесь все решают исключительно деньги. Сейчас борцов за идею не осталось.

Валерия ВАЛЬЦОВА

Я родилась в Москве на Таганке 20 февраля 1965 года. Мама работала в ДМШ руководителем хора. С тех пор, как себя помню, я всегда присутствовала на ее отчетных и праздничных концертах, в пионерской форме, с галстуком, в верхних сопрановых рядах. И даже будучи уже взрослой тетей, я иногда входила в положение своей мамы, откликалась на ее слезные просьбы о помощи и, скрепя сердце, вставала в пионерские поющие ряды.

После школы вопрос о моей дальнейшей учебе оставался открытым. Мне ничего не нравилось, я ни к чему не стремилась, музыка к тому времени осточертела мне настолько, что я и не думала связать с нею свою жизнь. Но мама своими переживаниями умела меня достать, и, чтобы успокоить ее, дескать, дочь при деле, я поступила в Музыкальное училище им.Ипполитова-Иванова по классу академического вокала. Голос у меня был заурядный (на мой критичный взгляд), душа к операм не лежала, бросать курить не хотелось. К тому же я уже тогда занималась «рок-музыкой» – так это назовем, чтобы не углубляться в малозначительные детали, – все это привело к тому, что как-то осенью после тяжелой продолжительной простудной болезни голос пропал совсем. То есть абсолютно. То есть как рыба. И вернулся он только спустя 4 месяца. Пришлось заново учиться даже разговаривать. Из училища к тому времени я уже была отчислена, а это был последний курс. В душе я тихо ликовала, говоря маме: видишь, не судьба, значит, не надо занимать чужое место, жизнь сама все правильно расставляет по местам.

